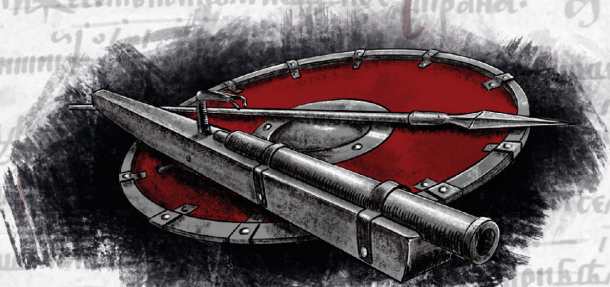

КАНОНИР ИЗ БУДУЩЕГО

ЮРИЙ КОРЧЕВСКИЙ

Юрий Григорьевич Корчевский

В цель! Канонир из будущего

Серия «Пушкарь», книга 4

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17182431

Феникс;

ISBN 978-5-222-42006-5

Аннотация

Бронебойный фантастический боевик от лидера жанра. Наш человек в пылающей Москве. Зброшенный в жестоку эпоху Ивана Грозного, КАНОНИР ИЗ БУДУЩЕГО дает бой крымчакам и опричникам.

По кровавым палачам Малюты Скуратова – огонь!

По крымской орде, нагрянувшей сжечь Москву, – пли!

По бронированным шведским латникам, осадившим Псков, – залп!

ТОЧНО В ЦЕЛЬ!

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Юрий Корчевский

В цель! Канонир из будущего

Глава 1

Мы с Наташей наслаждались отдыхом на круизном судне. Светило ласковое солнце, недалеко проплывали гористые берега, покрытые сочной зеленью лесов, в борт ласково била изумрудная вода Средиземного моря. Рана на руке еще побаливала, но это не мешало нам сходить на берег в местах стоянок. Три дня мы стояли в Неаполе и пешком исходили старую, центральную часть города. Великолепные, старинной постройки здания в мавританском стиле заставляли надолго останавливаться, чтобы вдоволь насладиться зрелищем. Наталья без усталости щелкала новеньким цифровым фотоаппаратом, то и дело восхищенно вскрикивая:

– Ты только посмотри на эту статую!

Вечером, порядком уставшие, мы возвращались в порт.

На одной из припортовых улиц расположился «блошинный» рынок. Продавали все – от старых кофемолок до поношенных плащей. Взгляд скользил по выставленным на продажу вещам, и я удивлялся: где и сколько времени могли они

храниться – ну вот та, например, шарманка с обшарпанным корпусом. Ей же не меньше ста лет! Или вот это зеленое платье, в котором могла ходить дама еще в начале двадцатого века.

Стоп! Что-то зацепило взгляд, я обернулся. Старый антиквар продавал столь же старые вещи. Взгляд мой упал на старинное зеркало в бронзовой раме. Рама была в завитушках, хорошего литья, немного позеленевшая от времени. Я уже прошел было мимо, но что-то кольнуло в душе. Такое же зеркало висело у меня раньше – в далеком Средневековье, в него смотрелся я сам по утрам и разглядывали свои обновленные лица после операций пациенты.

Я вернулся, поторговался немного для приличия и купил зеркало. Тяжелое оно было – просто ужас, и пока я дотащил его до корабля, вспотел.

Наташа удивлялась и морщила носик:

– И зачем нам такая тяжесть? К тому же старое!

А для меня оно было как свидание с прошлым. Ведь не всегда мы ценим вещи только за их практичность, а храним старый фотоаппарат как память о деде или отцовскую зажигалку. Это не объяснить словами.

На трапе встретились отдыхающие из «новых русских». Дама брезгливо оглядела мою покупку, а господин в белоснежном костюме вдруг заинтересовался:

– Старина?

Я кивнул.

– И хорошо продается?

Но я уже не ответил – шел по коридору к нашей каюте.

Утром мы уже плыли в Афины, где за два дня стоянки успели осмотреть лишь малую часть достопримечательностей древнего города.

А вскоре круизный лайнер ошвартовался у пирса в Новороссийске. После теплого солнца и вежливо-предупредительного обслуживания в Европе сильный пыльный ветер в Новороссийске и хамоватый таксист сразу спустили нас с небес на грешную землю.

Мы поужинали в гостиничном ресторане и быстро ушли к себе в номер.

Музыка в ресторане гроыхала так, что разговаривать за столиком было решительно невозможно. И почему музыканты считают, что оглушительно громко – это хорошо? После европейских ресторанов и кафе с негромкой, ненавязчивой музыкой наши заведения казались просто вертепом.

Наталья полночи щебетала в номере о том, как ей понравился круиз. Для бедной учительницы и поездки в Москву казалась путешествием, что уж говорить о заморском вояже?

А далее жизнь покатила по накатанной колее – дом, работа, редкие вылазки в выходные дни на лоно природы – пожарить шашлыков с друзьями, просто подышать свежим воздухом.

Наталья работала в школе, хотя я и отговаривал ее как мог. На мой взгляд, в школе могли работать энтузиасты, по-

тому как за такую зарплату работают или фанаты своего дела, или мазохисты. Ну не ценит наше государство людей ответственного труда, и все тут. Хотя от учителя, как, впрочем, и от родителей, зависит, будет ли ребенок любить книги – источник знаний во все века, или ему отобьют интерес к учебе. Лихие девяностые, когда авторитет образования упал и когда жуликоватые и хитрые проныры могли делать состояния из воздуха, не обременяя себя заботами об образовании, уже канули в Лету.

Я тоже работал, однако только на полставки – денег хватало. Свободное время посвящал самообразованию и усовершенствованию. Уж очень меня заинтересовали возможности гипноза. Ранее, занятый операционной работой, я не интересовался данным направлением. В соседнем городе практиковал довольно опытный и сильный специалист, и я периодически ездил туда, осваивая этот необычный способ лечения. Гипноз – не тот, конечно, что показывают в цирке или на других шоу, – штука интересная. С его помощью можно эффективнее лечить многие заболевания – например, язву желудка. А уж про то, что им можно обезболить пациента, и даже дистанционно, после сеансов Кашпиоровского знает каждый.

Приобретенное в Неаполе зеркало я повесил в прихожей. Приходя с работы, оглаживал рукой бронзовую раму, часто вспоминая Средние века, когда приходилось зарабатывать на жизнь не только скальпелем, но и саблей. А уж как дово-

дилось палить из пушек! Нынешняя жизнь казалась просто пресной.

Однажды, вернувшись с работы, я перекусил и решил посмотреть, что там за знаки или руны на бронзовой раме зеркала. Давно собирался это сделать, только руки не доходили – то времени не было, то лень одолевала. Я взял тряпку, нашел на кухне упаковку с чистящим порошком, что купила для хозяйства Наташа, и не спеша стал оттирать старую бронзу.

Знаки начали проступать более отчетливо, причем были они только сверху рамы. И что это за алфавит такой? На латынь не похож – уж ее-то я знал, изучая в свое время в медицинском институте так же, как и греческий. Ведь оба эти языка для медиков – как международный эсперанто. На арабскую вязь тоже не похоже. Древние языки вроде финикийского или санскрита я отбросил сразу: тогда еще не умели делать стеклянные зеркала, модницы пользовались в качестве зеркала полированной бронзой.

Я сфотографировал знаки, распечатал изображение на цветном принтере. Долго разглядывал, переворачивал с ног на голову, но ничего путного на ум не приходило. Надо идти в библиотеку или, что быстрее приведет к результату, ехать в лингвистический университет.

И чем больше я размышлял, тем яснее мне становилось, что в библиотеке я убью уйму времени и могу не разобраться, на каком языке написано. И что мне вдруг втемяшилось

в голову переводить текст? Это был именно текст – пусть и небольшой, в два коротких предложения. Слава богу, не иероглифы, японские или китайские.

На следующий день после работы я запрыгнул в машину и направился в университет. Побродив по коридорам, нашел на одной из дверей табличку «Профессор Марков И.В.», постучался. Получив разрешение войти, открыл дверь.

За столом сидел классического вида, как их иногда показывают в старых советских фильмах, профессор. Далекое за шестьдесят, лысоватый, с аккуратно подстриженной бородкой в стиле норвежских шкиперов, на носу – узкие очки в стиле «лектор», явно импортная оптика, судя по слегка фиолетовому отблеску линз.

– Присаживайтесь, чем могу быть полезен? На наших студентов вы не похожи.

– Да я и не студент, я врач, моя фамилия Кожин.

Профессор поднял глаза к потолку, пытаюсь вспомнить, потом сказал:

– Ваша фамилия мне ни о чем не говорит. Так какое у вас ко мне дело?

Я вытащил из кармана цветной отпечаток принтера. Профессор взял в руки, внимательно всмотрелся.

– Где вы это взяли?

– Купил в Неаполе старинное зеркало в бронзовой раме. На ней и нашел эти буквы. Интересуюсь стариной, вот решил проконсультироваться.

– Занятно, занятно. Вот только непонятно с языком. Видите ли, я свободно владею восемью языками и почти с ходу, даже не зная языка, могу определить хотя бы, на каком языке говорит человек. С алфавитом сложнее. С таким начертанием букв я не сталкивался. А сколько зеркалу лет?

– Вот уж чего не знаю, того не знаю, но думаю, около трехсот, может, и меньше – само зеркало стеклянное, а рама бронзовая.

– Так, уже понятно, что ему не тысяча лет – тогда не делали стеклянных зеркал. Вы не могли бы оставить мне этот снимок? Я бы хотел проконсультироваться с другими специалистами. Если вас не затруднит, подъезжайте через недельку.

Профессор протянул мне свою визитку, и мы раскланялись.

За работой и рутинными заботами я как-то и подзабыл о посещении университета, а вспомнив, заявился через две недели после встречи с экспертом. Профессор сразу меня вспомнил, обрадованно пожал руку.

– Ну что же вы, голубчик, так задержались?

– Дела, профессор, вы уж меня простите великодушно.

– Садитесь. Задали вы нам загадку. Пришлось связываться по телефону с моим старым знакомым лингвистом из университета Патриса Лумумбы и по электронной почте посылать ему этот текст. Вам интересно, на каком языке это написано?

У меня от волнения перехватило дыхание.

– Да, конечно, иначе бы я к вам не пришел.

– На уйгурском, причем древнем уйгурском. Большая редкость. Вы хоть представляете, кто на нем писал?

– Догадываюсь. Коли язык уйгурский, то и писали на нем уйгуры.

– Отлично, в логике вам не откажешь, – улыбнулся профессор. – Так вот, у татаро-монголов не было своей письменности, да и читать и писать ханы не умели. А держали при себе в качестве писцов уйгуров. Это было тем более полезно, что никто, кроме малочисленной народности уйгуров, этого языка не знал, стало быть – попади пайцза или письмо в чужие руки, так и прочитать бы не смогли.

– Хм, круто. Ну а в тексте-то что написано?

– Да нечто непонятное – вроде «судьба решит, кому пройти». Это, конечно, вольный перевод, может, и не совсем точно – там пара букв не вполне разборчивыми оказались, кроме того, с тех далеких времен смысл некоторых слов изменился.

– Спасибо большое. И больше ничего?

Профессор развел руками.

– А в связи с чем такой интерес?

– Хобби у меня такое – изучаю историю.

– Похвально. Человек, не знающий прошлого, не имеет будущего. Желаю вам успехов, молодой человек.

Я вышел из университета, остановился на ступеньках в

раздумье. Какая-то фраза странная. Ладно, что есть, то есть. Интересно, кому принадлежало это зеркало и сколько владельцев у него сменилось? А впрочем, какое мне до этого дело?

Я отправился домой, в одиночестве пообедал – Наталья задерживалась на работе.

Подошел к зеркалу, постоял, вглядываясь в буквы, провел по ним рукой. Непонятная надпись. А может быть, дело в двух полуразличимых буквах, оттого и перевод получился искаженным? Я разглядывал в зеркале свое лицо, дотронулся до стекла рукой и не ощутил привычной поверхности. Пальцы просто прошли сквозь стекло. Было нелепо видеть, как рука заканчивается у стекла.

Я вытащил кисть руки, оглядел ее. Нет, с рукой все в порядке. Вновь погрузил кисть в зеркало, прислушался к своим ощущениям – ничего необычного. Что за чертовщина? Может, у меня крыша потихонечку съезжает? Я сунул руку в зеркало по локоть. Ничего не изменилось. Просунул голову – темно. Мне стало интересно, и я прошел сквозь зеркало весь, целиком.

И оказался на улице...

Стоял такой же сентябрьский день, ветерок слегка шевелил листья деревьев, светило солнце. Я обернулся – зеркала не было. Чтобы убедиться, не обманывают ли меня мои глаза, поводил перед собой руками. Нет, передо мной ничего не было, руки не натыкались ни на какие предметы. А должно

было быть зеркало – ведь я только что прошел сквозь него! А все мое неуемное любопытство. Какая сила заставила меня пройти через зеркало? Никто ведь не тянул насильно, жил бы себе да жил.

Надо определиться, где я оказался, да двигаться к дому.

Вокруг – никого. Я похлопал себя по карманам – сотового телефона не было. Ну да, ведь я выложил его на тумбочку. Даже ключей в карманах нет. И что самое смешное, а может быть, и нелепое – на ногах тапочки. В рубашке, брюках и домашних тапочках! Прямо-таки бомж, только одежда чистая и выбрит.

Куда идти? За спиной – реденький лесок, передо мной поле, заросшее травой. Нигде не видно дороги или линии электропередачи. Пойду наудачу вдоль опушки: ходят ведь люди в лес, ездят на машинах, чай не в Сибири, в непроходимой бескрайней тайге.

Решив так, я неспешным шагом направился вперед по опушке леса.

Через час ходьбы я начал ощущать некоторое беспокойство – никаких признаков жилья или дорог не было. А жил я в густонаселенной местности, где через пятнадцать минут хода по-любому наткнешься на дорогу, линию электропередачи или телефонную линию, ферму или село.

Странновато как-то... И вдруг меня обдало холодом – неужели снова перенос во времени? Нет, только не это, не хочу! Едва наладилась семейная жизнь, женщину любимую

встретил, деньги завелись. И на тебе! Почему я? Хотя надо признать, что деньги у меня завелись благодаря переносу во времени, на свою зарплату врача я не поехал бы в морской круиз.

Такая злость и отчаяние накатили, что волком завыл бы. И чего меня потянуло к зеркалу? А все мое неумеренное любопытство и страсть к приключениям. Экспериментатор хренов, любитель древностей, познал значение уйгурской вязи на раме зеркала? – сокрушался я.

Поразмыслив немного о такой своей судьбе, о своем новом положении, я успокоился. Обратно ничего не вернешь.

Я пошарил по карманам. Из оружия – ничего, даже перочинного ножа нет, лишь несколько монеток позвякивало, и носовой платок. Гол как сокол. Интересно, в какое время попал? Если далеко от своего, то и одежда будет выглядеть странновато. Не голый, конечно, но... Да еще и тапочки без задника, типа «ни шагу назад». Идти в них еще можно, бежать – очень затруднительно, а уж ручеек вброд перейти...

Солнце стояло за спиной и перемещалось влево. Стало быть – иду на север. Хорошо хоть не в Арктике оказался, среди льдов и снега. Ха-ха-ха, да еще и в тапочках. Дались мне эти тапочки!

Что-то я подустал, да и перекусить было бы неплохо.

Я присел у дерева, опершись спиной на ствол. Куда идти? Где люди, где жилье? Какое время на дворе? Не знаячи всего этого, можно крупно вляпаться.

По местности и растительности похоже, что я – где-то в средней полосе России, ближе к югу, на уровне нынешнего Липецка или Ростова. Меня прошиб холодный пот. Если попал лет на пятьсот назад, как уже бывало со мной, то сейчас здесь – Дикое поле – земли татар. Вот уж будет им радость – приобрести без лишних усилий себе раба. Или на потеху голову срубить, для татар это развлечение.

Ну да хватит о татарах, помяни черта – и он тут как тут. Надо идти дальше, солнце уже перевалило за полдень, и тень моя стала удлиняться.

Шагать пришлось долго, я было уже начал сомневаться в правильности выбранного направления. Но Русь лежала на севере, и мне – туда.

Часа через четыре попалась небольшая вспаханная делянка, и я обрадовался. Значит, недалеко люди, и не татары – они сроду огородничеством не занимались, ели мясо и то, что можно собрать, не прикладывая особого труда – травы, коренья, фрукты с деревьев.

Теперь я шел и крутил головой по сторонам, боясь пропустить избы или людей, ведь жильё может оказаться далеко в стороне.

На мое счастье, прямо по курсу вдалеке показалась изба. Через полчаса, запыхавшийся, я уже подходил к ней. И тут меня постигло разочарование – изба оказалась пустой, даже можно сказать – брошенной. Дверь сорвана и валяется рядом, на крыльце – толстый слой пыли и никаких следов пре-

бывания людей. Рядом с избой – сарайчик, но никакого звука живности: не кудахчут куры, не гогочут гуси, не хрюкают свиньи.

Я осторожно зашел в избу. Хозяева явно покинули ее не по своей воле. Стол и лавка перевернуты, матрац – на полу, сундук открыт и пуст. В холодной печи нет даже сковородок или чугунков. И к моему разочарованию, нигде никаких следов цивилизации в виде проводов, розеток, лампочек. Даже завалящей керосиновой лампы нет.

Я обшарил весь дом и не нашел ничего съестного и никакого оружия – хотя бы и плохонького ножа.

Зато во дворе был колодец. Я достал ведро воды и напил-ся. Если уж не поем, то хотя бы напьюсь.

Что делать дальше? Идти вперед или ночевать здесь? Под крышей ночевать комфортнее, а если дождь пойдет – укрытие. Но! Изба видна издалека, и коли хозяева ее в спешке покинули или их заставили ее бросить, то какая гарантия, что кто-либо не нагрянет вновь?

Рассудив так, я решил переночевать в сарайчике. Укрытие от ветра и дождя есть, а если нагрянут непрошеные гости, то сначала они ринутся в избу, и у меня будет время незаметно скрыться.

После переноса во времени все мои старые, наработанные опытом прежней жизни навыки вернулись. Я стал осторожен, но, к сожалению, был безоружен. Любой свободный человек в то время имел право иметь оружие, и я этим правом

пользовался. Не носили оружие только рабы и женщины. И поэтому я чувствовал себя без оружия беззащитным, и мне было довольно некомфортно.

Однако ночь прошла спокойно. Я перетащил из избы в сарайчик матрас и довольно неплохо выспался. Утром достал из колодца воды, напился и умылся. Неплохо бы теперь и поесть, да в ближайших окрестностях не видно точек общепита, хотя бы в виде харчевни при постоялом дворе или трактира. А если бы и были – карманы пусты, платить нечем.

И мало того что денег нет – так и работы нет, как и жилья. Если учитывать, что не знаю, где я и какой сейчас год, то получается... Полный кошмар получается.

Я тронулся в путь, навстречу неизвестности. Эх, хорошо бы хоть бутерброд с хорошим куском колбасы, а лучше – два. И сам засмеялся.

Вокруг простиралась покрытая небольшими холмами степь, и лишь кое-где – небольшие рожицы деревьев. Везде трава, местами уже пожелтевшая. Одно радовало – попадались ручейки, позволявшие хотя бы утолить жажду.

Скоро полдень. Я стал с беспокойством поглядывать на тапочки. Дешевый, но и ненадежный китайский или турецкий ширпотреб не внушал доверия, а оказаться на жесткой траве босым – просто катастрофа. Ступни-то изнежены городским асфальтом и удобной обувью.

Впереди показалась роща. «Дойду до нее и отдохну в тени», – решил я. Не скажу, что было жарко, но спину припе-

кало.

Я бодро дошагал до деревьев и развалился в высокой траве, устремив взор в синее безоблачное небо. Незаметно подкралась дремота.

Неожиданно справа зашуршала трава, и не успел я открыть глаза, как меня толкнули в бок. Не сильно, но чувствительно. Метрах в трех-четыре стояли два воина в полном боевом облачении – кольчугах, со щитами. Один из них тупым концом копья толкал меня в бок.

– Вставай, немчура!

Русские! Повезло. Я поднялся.

– Это почему я немчура?

Ратники переглянулись, засмеялись.

– А ты на русском такую одежду видел? То-то!

– Русский я – вот крест.

Я вытащил из-под рубашки нательный крестик, показал.

– Гляди-ка, не врет. Ты как сюда попал?

– Пешком.

– Это понятно, что пешком – коня-то мы не видим. Откуда идешь?

Вот придурок – не учел я, что вопросы возникнут, думал лишь о том, как к жилью выйти.

– Из Киева, – брякнул я первое, что пришло в голову.

– Далече Киев-то – неужели пешком? Да и на казака ты не похож, у них чубы, да и штаны широченные.

– Я и вправду не казак – лекарь я, а пешком иду, потому

как возок мой и коней татары отобрали, а может, и ногайцы – поди их различи. Сам еле спасся. В дне пути отсюда на полдень переночевал в брошенной избе.

Ратники переглянулись:

– Не врет, изба там, брошенная о прошлом годе, и вправду есть. Повезло тебе, что от татар живым ушел. А одежда чего такая?

– Из дальних краев еду, одет по тамошним обычаям.

– Вона как. А мы уж тебя за немчуру приняли. Куда путь держишь?

– В Москву. – Оба ратника скривились, как по команде, и я тут же решил поправиться – недолюбливают Москву в провинции. – Сам-то я из Твери.

– А, другое дело. Мы-то рязанские, на заставе вот стоим.

Все стало на свои места. Рязань, Тверь, Псков, Новгород долго были самостоятельными княжествами. Когда же Москва силой подмяла их под себя, смирились князья – против силы не попрешь, но и любовью Москва и москвичи не пользовались. А после той резни, что учинили в Великом Новгороде опричники Ивана Грозного, называемые в народе «кромешниками», их и вовсе возненавидели.

– Земляки, год-то какой сейчас на Руси?

– От Рождества Христова или от сотворения мира? – деловито поинтересовался один из воинов.

Второй же удивился:

– Это ты сколько же на родимой земле не был, что ле-

тосчисление забыл?

Первый пошевелил губами и изрек:

– Одна тысяча пятьсот семьдесят первый год.

Я мысленно присвистнул: «Ни фиги себе!» Знакомцев никого уже нет, а на троне деспот и тиран Иван IV Васильевич, прозванный в народе Грозным. Человек с параноидальными изменениями личности, вспышек гнева которого боялись даже приближенные.

Я помялся:

– Мужики, у вас пожевать найдется чего?

– Как не быть! Много не дадим – самим до утра в дозоре стоять, однако же и с голоду помереть не позволим.

Воины достали из сумок и отломали кусок хлеба, пару сваренных вкрутую яиц и отрезали кусок копченого сала.

Я вцепился зубами в еду; набив рот, кивнул, благодаря. Съел быстро, хотя меня никто не торопил. Оба воина с любопытством и жалостью глядели на меня. Один из них отцепил от пояса баклажку, протянул мне:

– Запей.

Я с удовольствием хлебнул теплого кваса – все же не вода.

– Спасибо, хлопцы. Надо идти.

– Тебе лучше вон до того леса, а там – правее, на дорогу и выйдешь, все сподручнее, чем по полю.

Пройдя до леса, я обернулся и помахал рукой ратникам. Оба смотрели мне вслед. Эх, ребята, знали бы вы, какие испытания у вас впереди...

Дорога за лесом и впрямь была – узкая, грунтовая, мало-наезженная. Да и кто тут ездить будет, по краю Дикого поля? Ратники одни при смене караула. Далековато меня занесло во времени, да и в пространстве тоже. Нет чтобы где-нибудь ближе к центру – в Туле, скажем. И тут же улыбнулся своим мыслям: «А в Крымском ханстве не хочешь оказаться? Раб-бом у мурзы? То-то!»

Я бодро шагал по дороге. Все-таки идти сытым веселее. Когда два дня не ел, все мысли только о еде.

Шагать пришлось долго, почти до вечера. Встречающиеся ручьи помогали мне утолить жажду. Вода была вкусная, не испорченная цивилизацией – иногда в глубине ручья даже мелькали маленькие рыбешки. Жалко – снастей нет для ловли. А впрочем, зачем мне снасти, если и котелка для ухи нет, так же как и спичек или огнива – костер развести. Одним словом – кругом облом.

Когда солнце уже начало садиться, показались избы какой-то деревни. Наконец-то я добрался до людей. Уж если одно село есть, будут и другие, началась обжитая земля. Это не то что в Диком поле – степь да овраги. Кочевники не живут в домах – они ставят шатры или юрты, перенося их с места на место и передвигаясь за стадом. Два-три дня, выщипало стадо траву – перегоняют его на новое место и переносят юрту. Причем они не просто идут по степи куда глаза глядят – обязательно рядом ручей или река быть должны. Стадо не напоишь из лужи.

По мере приближения к деревне меня начало охватывать чувство беспокойства и неуверенности. Одет не по местным обычаям, денег нет. Чем буду расплачиваться за постой и еду? Оказывать благотворительность не было принято – каждый должен был зарабатывать себе на пропитание сам. Конечно, пройдет время, я обзаведусь жильем – будет и одежда, и пища. Но сейчас-то как мне быть?

С ночлегом удалось договориться в самой бедной избе. Место отвели на лавке. Жестковато без матраса, но лучше, чем на улице, на земле.

Утром, войдя в мое бедственное положение, хотя я ничего и не просил, мне дали краюху хлеба, а посмотрев на мои израненные и кровоточащие ноги, глава семьи без лишних слов протянул мне свои старые лапти и тряпки для онучей.

Поблагодарив сердобольных хозяев, я вышел и двинулся по дороге, откусывая от свежей горбушки. Вот ведь интересно – в самой нищей избе хозяева и спать пустили, и хлеба дали, а в избах побогаче я получил от ворот поворот.

Чем дальше я уходил от Дикого поля, тем больше деревень и сел встречалось на пути. На исходе четвертого дня я вошел в Рязань.

Что делать, где найти приют? Есть хотелось до головокружения. Воровать я не умел, да и моральные принципы не позволяли.

Немного подумав, я отправился к пристани. Днем там кипела работа, лишь немного стихая на ночь.

У причалов стояло несколько судов, на одном из них шла погрузка. С берега амбалы таскали на борт тюки и бочки.

Я попробовал договориться с амбалами, но лишние руки не требовались. Уныло поплелся я в сторону. Там, в темноте, горел костерок, а вокруг сидели мужики.

Подойдя, я поздоровался и сел невдалеке. Не прогнали – уже хорошо.

Мужики неспешно разговаривали про жизнь, один из них помешивал в котле уху. Это была именно уха – запах не позволил мне ошибиться.

Вскоре уха сварилась; попробовав ложкой на вкус, мужик сыпанул соли из мешочка и скомандовал:

– Готово, подставляйте миски.

Окружающие живо подставили миски, у кого какие были – глиняные, оловянные. Мне тоже махнули рукой, подзывая. Но миски или другой посуды у меня не было. Мне вручили глиняную миску со слегка отколотым краем и щедро налили варева. Вот только ложки не нашлось – пришлось потихоньку пить жижку через край, а уж в конце брать куски рыбы руками. Не боярин, чай, обошелся. Зато в животе сыто заурчало, кровь живет забегала по жилам. Хорошо-то как!

Спали здесь же, вокруг костра.

Утром мужики разошлись по своим делам, я же поплелся на торг – вдруг кому понадобится рабочая сила?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.